

Ци Хань почти сбежал, он не мог вынести этот взгляд. Фу Гэ смотрел на него, словно на спасителя. И чем больше становилось в этих глазах благоговейного обожания, тем мучительнее раскаяние впивалось в него сотнями острых игл. Он изо всех сил пытался скрыть собственные преступления, прятался от своей вины, но не мог не ощущать.

Когда-то он сам разрушил мальчика, которого любил больше жизни. И с того момента его собственное сердце оказалось на лезвии ножа, а провалы в памяти — как волки, что следуют за ним по пятам, готовые в любой момент броситься, сомкнуть клыки на его горле и разорвать его на части.

Он жил, постоянно оглядываясь. День, когда Фу Гэ вспомнит всё, станет для него днём окончательной гибели.

Ци Хань выкурил на балконе целую пачку сигарет, прежде чем вернуться в комнату. Фу Гэ уже не спал. Когда именно он поднялся с кровати, было непонятно, но сейчас он сидел у двери на корточках, сонно клюя носом.

— Почему ты не в кровати? — спросил Ци Хань.

Фу Гэ поднял голову, его глаза ещё были затуманены сном.

— Вас не было.

Ответ прозвучал совершенно нелогично. Ци Хань нахмурился.

— И что?

Фу Гэ заморгал, будто не понимая, в чём вопрос.

— Причём тут это? — голос Ци Ханя невольно стал резче. — Я сплю или нет — какое это имеет отношение к твоему сну?

Фу Гэ замер, словно сам не понимал, почему так сказал. Его взгляд был пустым.

Ци Хань уже собирался отправить его обратно в комнату, но вдруг осознал нечто важное.

— Ты... — он резко стиснул зубы.

— Идём со мной.

— Что?

— Живо.

Он схватил его за запястье и потянул вперёд.

— Господин, что случилось?

— Узнаешь.

Они вошли в его комнату, и Ци Хань, не говоря ни слова, шагнул к кровати, надавил ладонью на покрывало и почувствовал, что оно идеально ровное, гладкое, будто на нём никогда не лежал человек.

Он обернулся, но не стал задавать вопрос — ответ уже был очевиден. Фу Гэ не спал здесь.

Но когда он перевёл взгляд на стоявшее в углу кресло, всё стало ясно окончательно. Под мягкой подушкой была явная вмятина — как будто кто-то провёл на этом месте долгие часы.

— Ты хоть раз спал в этой постели?

Фу Гэ медленно покачал головой.

— Нет.

— То есть ты весь этот месяц спал на чёртовом кресле?! — Ци Хань даже рассмеялся от злости.

— Я что, не давал тебе еды? Или крыши над головой? Что тебе вообще пришлось так мучиться.

Фу Гэ вздрогнул от испуга. В голове замелькали гнетущие воспоминания, и страх перед той кроватью вспыхнул с новой силой.

— Простите... я не хотел... — его голос дрожал. — Я буду вести себя тихо... Буду сидеть в клетке, обещаю... Я сплю спокойно, совсем не двигаюсь... Я не скажу ни слова... не скажу... не...

— Сяо Гэ! Проснись!

Ци Хань перехватил его руки, не давая размахивать ими в панике.

— Ты... ты сказал, что был заперт в клетке?..

Фу Гэ отчаянно замотал головой, слёзы градом катились по его щекам. Он бился, пытался

вырваться, его голос был полон мольбы:

— Я всё понял... Больше не буду... Я не стану шуметь... Можно... можно больше не мучить меня... Я боюсь... я правда боюсь... Пожалуйста... прошу...

Он с силой рухнул на пол, мелко дрожа, и в его отчаянных глазах застыла безысходность.

— А Хань... за что... за что ты так со мной?..

Воздух застрял в лёгких. Будто невидимая рука сжала сердце Ци Ханя, выкручивая его до боли.

Он долго молчал, а потом вдруг шагнул вперёд. Голос был хриплым, словно по горлу прошлись наждаком:

— Ты вспомнил?

— Я... не знаю... — Фу Гэ судорожно сжал пальцами виски. В его взгляде мелькнуло смятение, но через мгновение он снова прояснился. — Господин? Я снова спутал вас с ним?

Ци Хань выдохнул, словно пережил смертельную опасность.

— ...Да.

Он наклонился, поднял Фу Гэ на руки и осторожно уложил его на кровать. Голос его был мягким:

— Сяо Гэ, всё позади. Ты дома, это твоя комната. Здесь ты можешь делать всё, что захочешь.

Глаза Фу Гэ мгновенно покраснели.

— Моя... комната? — голос был хриплым, едва слышным.

— Да.

— Тогда... могу я сегодня спать на спине?

Ци Хань замер, а потом вдруг почувствовал, как глаза обжигает жар. Он едва смог выдать:

— ...Можешь.

Фу Гэ радостно обнял его, словно только что получил весь мир.

— Спасибо, господин. Я вас очень люблю.

Ци Хань остался стоять, застывший, как камень, позволил этому объятию случиться.

— Почему ты не ложишься на кровать? Почему боялся издавать хоть звук?

Фу Гэ вздрогнул. Его плечи начали мелко дрожать, он съёжился, а потом, задыхаясь, всхлипнул:

— Потому что... если я издавал хоть звук... меня хватали... и... трахали... — губы его задрожали, голос оборвался на судорожном вдохе. — Я... я не хотел... я боялся его...

Ци Хань отвернулся.

— Значит, ты просто перестал говорить?

Фу Гэ издал слабый, задушенный звук.

— Угу... Мне кажется, я заболел... Когда я открываю рот... не могу выдавить ни звука...

— Что ты сказал? — В голове Ци Ханя пронеслось гудение. Он резко наклонился к нему, в ужасе вглядываясь в его лицо.

Фу Гэ поднял руку, прижал ладонь к горлу.

— Здесь... — его голос срывался на хрипы, слова захлёбывались в рыданиях. — Они... испортили его. Я больше не могу говорить...

В этот миг что-то прорвалось в сознание Ци Ханя. Его зрение сузилось. И в этот провал устремились сцены тех четырнадцати дней. Кромешная тьма, отчаянная борьба, звериная жестокость — всё, от чего он так долго пытался убежать, вдруг обрушилось на него с невыносимой силой.

В одно мгновение, в его объятиях оказался уже не тот Фу Гэ.

Он был грязным, окровавленным, с воспалёнными глазами, холодным потом и слезами,

стекающими по измождённому лицу.

Цепи до мяса разодрали его запястья, а рана на лбу уже давно засохла. Ци Хань снова и снова прижимал его к кровати, к полу, к каждому углу подвала. Он сжимал его за воротник, требуя ответа:

— Сяо Гэ, скажи мне. Просто скажи, что ты не виноват. Один раз. Я поверю. Просто скажи — и я отпущу тебя. Мы начнём сначала. Я забуду обо всём. Я откажусь от мести. Всё будет, как прежде. Мы будем вместе. Хорошо?

Фу Гэ тогда смотрел на него широко раскрытыми глазами, не переставая плакать. Он дрожал в его руках, как сломанная кукла, безжизненно болтаясь в его рывках, но ни разу не произнёс ни слова.

Ци Хань был в бешенстве. Он прижал его к зеркалу, схватил за горло, сорвался в крик:

— Говори! — его голос дрожал от гнева, от невозможности вырвать из него хоть что-то, — Чёрт тебя возьми, говори же! Ты что, сука, немой?!

Фу Гэ посмотрел на него через зеркало — в его глазах была мольба. Извиваясь, он дотянулся до края его одежды, сжал её слабыми пальцами. Ци Хань тут же оттолкнул его руку, но Фу Гэ снова поднял её. На этот раз он медленно, дрожащим жестом указал на своё горло.

Он напряг голосовые связки изо всех сил, и... смог выдать только два слабых, хриплых звука:

— А-а...

Но Ци Хань тогда был слишком ослеплён яростью. Он решил, что это новый трюк. Сжал зубы, заткнул ему рот куском одежды, чтобы не слышать его молчания.

И только сейчас, спустя столько времени, он понял, Фу Гэ не молчал нарочно, он просто больше не мог говорить.

На следующее утро Ци Хань ушёл из дома.

Фу Гэ тоже проснулся рано, но господина уже не было. Более того, вся следующая неделя прошла в полном одиночестве — Ци Хань не появился ни разу.

Жизнь, которая так внезапно наполнилась шумом и движением, снова вернулась в точку покоя. Фу Гэ свернулся в углу пустого дома, шептал что-то своим галлюцинациям, пересчитывал листья на деревьях. В саду он наткнулся на крошечный муравейник и с воодушевлением побежал за кусочком торта, чтобы накормить их. Но когда он вернулся,

муравьи уже снова спрятались в землю.

Он был слишком скучным любовником. Даже муравьи, как и Ци Хань, устали от его общества.

Фу Гэ вернулся на свой маленький кресло-диван, свернулся в нём, словно хотел слиться с тканью, стать частью её волокон, вырасти грибком на этом одиночестве.

И в этот момент Ци Хань вернулся и он был пьян. Как только дверь распахнулась, в комнату хлынул густой запах алкоголя.

— Господин, скорее... заходите... — Фу Гэ поспешно вытер глаза, растерянный, словно не верил, что Ци Хань действительно перед ним, что это не очередная галлюцинация. Ему хотелось броситься в его объятия, почувствовать тепло, убедиться, что он реален.

Но Ци Хань дал ему куда более осязаемое подтверждение. Он прижал Фу Гэ к стене, сорвал с него одежду, впился в его шею с жадностью разъярённого зверя, вонзая зубы в кожу, словно алчущий крови хищник.

— А-а... больно... — Фу Гэ вздрогнул, выгибая шею, но из его горла вырвался не только стон боли, но и непроизвольный, срывающийся на дрожь выдох удовольствия. — Ещё... сильнее...

Ци Хань не сдержался — его зубы вошли глубже, он не просто кусал, он пил. Губы, язык, горячее дыхание — он впивался в эти две крошечные ранки, силой впрыскивая в них свою сущность, свою власть, своё право. Фу Гэ чувствовал, как из него что-то уходит.

Он понял. Ци Хань пил его кровь.

Это осознание пронзило Фу Гэ куда сильнее, чем сама боль, и эта мысль — эта странная, хищная близость — опьянила его до головокружения. Он дрожащими пальцами сжал его руку, поднёс к губам, один за другим провёл языком по его пальцам, будто смакуя, будто поклоняясь.

— Спасибо, господин...

Альфы всегда были хищниками. Агрессия у них в крови, а вкус свежей крови только обострял инстинкты, подстёгивая, доводил до безумия. Единственное, что могло смягчить этот голод, — это омега, его запах, его тело, пропитанное феромонами.

Но Фу Гэ не был омегой. Он был пуст.

— Я... не чувствую... Я не могу тебя пометить...

Ци Хань глухо застонал, прижался ещё крепче, снова и снова впивался в его шею, но чувствовал лишь вкус крови, но не метку.

— Почему?.. Почему я не могу?..

Он срывался на безумие. В его глазах метался хаос. Он вгрызался в кожу, оставляя новые и новые следы, вливая в тело Фу Гэ волны своего альфа-феромона. Фу Гэ дрожал, руки и ноги слабли, сознание плыло.

Ци Хань смотрел на него в полнейшем ступоре. Губы дрожали, грудь сотрясалась в рваном дыхании.

Он издал стон, полный отчаяния:

— Малыш... — голос сломался. — Я не могу... Я не могу тебя пометить... Почему... Почему я не чувствую твой запах... Покорми меня...

Он пил беспробудно. Алкоголь выжигал его сознание, делал реальность зыбкой и извращённой. Когда он вошёл в дом, то не мог понять, где прошлое, а где настоящее. Он думал, что снова оказался там, в том времени, в тех восьми месяцах. Думал, что стоит только прикинуться несчастным, как Фу Гэ, по привычке, стянет с себя одежду, и накормит его.

— Господин... — голос Фу Гэ был слабым. — У меня... нет феромонов...

Он смущённо посмотрел на него. Даже в этом хаосе, даже будучи разорванным на части, он всё ещё пытался угодить альфе.

Ци Хань смотрел на него в упор, и вдруг его прорвало.

— Нет феромонов? — Он склонился ниже, дыхание обжигало. — А молоко у тебя есть?..

Фу Гэ сглотнул, глаза блестели от стыда, он хотел провалиться сквозь землю, но вместо этого тихо, жалко, смущённо добавил:

— ...У меня и молока нет...

Ци Хань снова осыпал его пошлыми словами, дразня и разогревая, а затем, сорвав с него одежду, жадно впился губами в его кожу, словно огромная возбужденная собака, что ластится и лижет, не в силах насытиться.

Фу Гэ вспыхнул, сердце бешено забилося, но он не отстранился. Напротив, неуверенно

потянулся, положил руку ему на голову и начал медленно гладить. Движения вышли до странности естественными. Как будто он делал это сотни раз, даже не осознавая.

— Сяо Гэ... — Ци Хань цеплялся за него, осыпая поцелуями, плечи его дрожали, а голос постепенно срывался на хриплый всхлип. — Я скучал по тебе... Не будь с другими, ладно? Не бросай меня...

Фу Гэ замер. Его губы дрогнули, он глубоко вдохнул, подавляя крошечный, почти неслышимый всхлип.

— Я только ваш... Только ваш, господин... — его голос был полон нежности и едва заметного укора. — Но ведь это вы оставили меня. Вы всё время уходите.

— Больше не оставлю, клянусь... Никогда больше...

Ци Хань потянулся, мягко целовал его шею, двигаясь вверх, пока его губы не наткнулись на тонкий, вытянутый рубец. Старый шрам, оставленный бриллиантовым лезвием.

Ци Хань застыл, пальцы нежно провели по шершавой, тёмной линии, а взгляд медленно поднялся к лицу Фу Гэ, пробегая по его заострившимся чертам. В голове вспыхнула картина — как тот вонзил лезвие в свою кожу, как его лицо исказилось от боли, как он решительно перерезал себе горло.

Ци Хань не мог даже представить, через что прошёл этот красивый, когда-то такой светлый мальчик в том подвале. И он, он сам, когда впервые увидел его снова, не заметил ничего. Просто оставил его в доме, не задавая лишних вопросов.

— Прости... прости меня, Сяо Гэ... — слёзы капали на его шею, горячие, обжигающие. Ци Хань спрятал лицо в его плечо, сдерживая хриплый, приглушённый рыданиями голос.

— Давай начнём сначала, а?

Фу Гэ смотрел на него в полнейшем оцепенении.

— Начать сначала?.. — он будто не понимал смысла этих слов. — Господин снова хочет... содержать меня?

— Нет... нет, не содержать.

Ци Хань поднял голову. Их лица оказались в опасной близости. Его нос почти касался носа Фу Гэ, лоб прижался к его лбу. Он улыбался, но его слёзы всё ещё падали, растворяясь в глазах Фу Гэ.

— Я хочу, чтобы мы были вместе. Я хочу жениться на тебе. Я хочу вернуть тебе нашу свадьбу. Наш медовый месяц. Все мечты, все чувства. Всё, что у нас должно было быть.

Фу Гэ сжал губы, его грудь судорожно вздымалась.

— Я... я хочу... Всё, что вы сказали, я хочу...

Но его голос дрожал.

— Только... Когда вы успели мне это задолжать? Я... Я не могу вспомнить...

— Если не можешь вспомнить — просто не вспоминай. Никогда больше. Забудь об этом, Сяо Гэ, забудь навсегда. Давай начнём всё сначала, ладно?

Фу Гэ вцепился в его руку, обхватил его за шею, будто цеплялся за единственное, что у него осталось.

— Мы можем быть вместе... только если я всё забуду?

— Да, только если забудешь.

— Но... я не могу...

Лицо Ци Ханя замёрзло. В одно мгновение его бросило в ледяную пустоту.

Он поднялся, не говоря ни слова, поправил одежду Фу Гэ, но тот отчаянно схватил его за руку, не давая уйти. Он кричал, цеплялся, обнимал, осыпал его поцелуями, отчаянно пытался удержать — словно чувствовал, что в этот момент у него отбирают последнюю надежду.

— Нет... Господин, не уходите! Пожалуйста, прошу вас... Не оставляйте меня... Не бросайте... У меня больше никого нет... Я люблю вас! Я буду любить вас... только вас...

Он сполз на колени, вцепившись в его одежду, словно пытался удержать сам воздух. Всхлипы прерывались судорожными вдохами, слёзы катились по его лицу.

Ци Хань смотрел на него сквозь пелену. Перед ним вновь был тот самый Фу Гэ, тот, что пять лет назад умолял его не оставлять. Всё повторялось.

Он горько усмехнулся, это ты меня оставил, Сяо Гэ.

— Ты не можешь забыть... — его голос был тихим, но твёрдым. — Тогда скажи... Если он снова появится перед тобой, что ты сделаешь?

Фу Гэ не ответил. Он только яростно тряс головой, сжимая его пальцы так крепко, что ногти почти впились в кожу. Ци Хань не двинулся.

— Ты всё ещё ненавидишь его?

— Я не знаю...

— Тогда ты всё ещё... любишь его?

— Я... Я правда не знаю...

Ци Хань ждал. Он ждал до последнего, надеясь, что услышит правильный ответ.

— Ты больше ничего не чувствуешь?

Фу Гэ перестал качать головой.

— Чувствую...

Он моргнул, его взгляд стал пугающе пустым.

— Я хочу, чтобы он умер.

<http://bllate.org/book/14453/1278304>